

Хэ Сюйлян, держа Гу Чжэня на руках, использовал искусство легкого шага и за несколько мгновений преодолел большое расстояние. Услышав вопрос Гу Чжэня, он даже не опустил головы:

— Разве господин не хотел избежать поездки в рикше?

Гу Чжэнь подумал: «Слова вроде верные, но это не значит, что я хочу, чтобы меня так несли».

— Разве ты не боишься, что Гао Сю снова устроит тебе проблемы? — спросил Гу Чжэнь.

— Разве я уже не Великий генерал — опора государства? — ответил Хэ Сюйлян.

Гу Чжэнь усмехнулся:

— Ты действительно не считаешь себя чужим.

Хэ Сюйлян слегка улыбнулся:

— Естественно.

Это был не первый раз, когда Гу Чжэня так несли, и он уже начал привыкать. В конце концов, это было удобно и экологично, так что он не стал возражать, высунув голову, чтобы посмотреть на вид Имперского города снизу.

После своего перемещения Гу Чжэнь провел в своей резиденции всего три дня, и из-за холода он даже не успел осмотреть свой дом, не говоря уже о дворце, куда он вообще не заходил.

Хэ Сюйлян был одет в жесткий золотой и серебряный доспех, который был крайне неудобен, поэтому Гу Чжэнь похлопал его по плечу:

— Спустишь, я хочу пройтись.

Хэ Сюйлян не ответил, но явно услышал слова Гу Чжэня, медленно снизил скорость и мягко приземлился на землю.

Гу Чжэнь выпрыгнул из его рук, поправил одежду и невольно подумал, что по сравнению с 007, главный герой действительно больше похож на искусственный интеллект.

По обе стороны возвышались кирпичные стены с красной черепицей высотой в несколько чжанов, а под ногами была выложена белая плитка, покрытая тонким слоем снега, оставленного уборкой. На снегу виднелись два ряда аккуратных следов, оставленных патрульными императорской гвардии. В этот момент из боковых ворот появились два патруля, которые, увидев Гу Чжэня и Хэ Сюйляна, явно удивились, затем дружно опустились на колени:

— Приветствуем канцлера!

Гу Чжэню было лень даже говорить, он просто махнул рукой:

— Не обращайтесь на меня внимания, делайте свою работу.

Гвардейцы медленно поднялись, и несколько из них, должно быть, узнали Хэ Сюйляна, но, сдерживаемые присутствием Гу Чжэня, не стали пристально смотреть и поспешили продолжить патрулирование.

Гу Чжэнь припоминал информацию: перед тем как отправиться в Цюнсян, главный герой некоторое время был командиром небольшого отряда императорской гвардии, так что знакомые лица не были редкостью. Стоит отметить, что в то время главный герой также имел неясные отношения с наложницей Си, но настоящая распущенность началась после первой связи с Си Юэ. До этого, возможно, чтобы пройти проверку сайта, автор изображал главного героя довольно сдержанным, поэтому тогда ничего не произошло. После поражения в битве при Цюнсян, которое было описано на протяжении десятков тысяч слов, автор начал раскрывать свою истинную сущность. После того как Хэ Сюйлян вернулся в Императорский город, он снова связался с наложницей Си.

Хотя после этого все наложницы императора не избежали его длинного копья.

Гу Чжэнь подумал об этом со смешанными чувствами: «Цзян Юньсюаню всего шесть лет, а его голова уже украшена зелеными рогами. Он всего лишь ребенок!»

Проклятый сюжет.

Он упомянул наложницу Си, потому что она была единственной, кто имел неясные отношения с Хэ Сюйляном до того, как он вернулся в Императорский город и начал использовать свои способности. И этот персонаж был изображен крайне... распущенным. Когда Гу Чжэнь читал книгу, он с большим уважением относился к этому имени, и каждый раз, когда видел слова «наложница Си», он мог достать салфетку.

Сора Аой этой эпохи, Мария Озава Императорского города.

С этой мыслью Гу Чжэнь невольно спросил:

— Генерал Хэ знает наложницу Си?

Услышав это имя, выражение лица Хэ Сюйляна не изменилось:

— Дочь министра Ли из Военного министерства, конечно, знаю.

«Извините, я действительно не знал...»

Гу Чжэнь закашлялся, не зная, что сказать. Он не мог спросить, были ли у них отношения, поэтому просто пропустил эту тему:

— Пойдем.

Впереди были Врата Цюхуа высотой в несколько чжанов, на двух красных воротах были вставлены по шестьдесят три золотых гвоздя, а посередине находились массивные дверные кольца в виде головы чудовища, что выглядело очень внушительно. У Гу Чжэня возникло ощущение, что он посещает Запретный город, и он невольно подумал: «В бесплодной местности Цюнсян даже палатку не поставишь, а в дворце только одни Врата Цюхуа, должно быть, стоили огромных денег. Хотя нельзя сказать, хорошо это или плохо, но в сердце возникает чувство безнадежности, как в стихах: "За красными воротами вино и мясо, а на дороге замерзшие кости"».

Два гвардейца у ворот, увидев Гу Чжэня, были ошеломлены, затем поспешно открыли ворота и громко закричали:

— Канцлер прибыл!

За Вратами Цюхуа лежали восемьдесят одна ступенька перед Чертогом Чэнъань, который возвышался над ними.

Как только гвардейцы закончили говорить, раздался тонкий голос евнуха:

— Канцлер прибыл!

По обеим сторонам лестницы, где люди, должно быть, ждали уже долгое время, слуги подняли рожки, и низкий, протяжный звук разнесся по всему Чертогу Чэнъань. В то же время с задней стороны дворца внезапно взлетела стая почтовых голубей, которые вместе с звуком рожков разлетелись по всем дворцам Императорского города, сообщая всем, что канцлер вернулся.

Гу Чжэнь поднял голову и посмотрел на белых голубей, летящих в сером небе, и в его сердце внезапно поднялась волна эмоций, и он невольно покраснел.

Хэ Сюйлян, стоя рядом, сжал его плечо:

— Пойдем.

Гу Чжэнь кивнул, и они вместе медленно поднялись по лестнице, покрытой красным ковром того же цвета, что и ворота. Ковер был безупречно чистым, и даже сквозь обувь можно было почувствовать его мягкость. Все восемьдесят одна ступенька лестницы вели к трону императора, и красный ковер тянулся бесконечно. Гу Чжэнь снова вздохнул, и чувство безнадежности снова охватило его.

Наконец они вошли в Чертог Чэнъань, где Цзян Юньсюань сидел на троне, словно погребенный под сложным драконьим одеянием, оставляя видимым только свое белое личико. Увидев Гу Чжэня, его большие черные глаза засияли, но из-за того, что он был на аудиенции, он сохранял серьезное выражение лица.

Гу Чжэнь, увидев своего приемного сына таким образом, почувствовал, как его сердце тает.

«Мой сын не может быть таким милым!!!»

— Ваш слуга, Гу Чжэнь, Хэ Сюйлян, приветствует ваше величество, да здравствует император десять тысяч лет! — громко произнес он.

Детский голос Цзян Юньсюаня раздался в Чертоге Чэнъань:

— Министры, встаньте.

Гу Чжэнь встал, глядя на Цзян Юньсюаня с любящим выражением лица. О, мой сын, кажется, немного поправился, его личико стало еще более приятным для щипков. Похоже, последние два месяца прошли неплохо. В конце концов, кто будет обижать шестилетнего ребенка, который ничего не понимает?

Единственное, что он не знал, плакал ли он и требовал ли он игрушки для взрослых.

Забываясь о психическом здоровье подростка, Гу Чжэнь в первый день своего перемещения выбросил коробку с различными нефритовыми жезлами из изголовья кровати, что было очень болезненно.

«Это же был отличный нефрит!!!»

Цзян Юньсюань, следуя тексту, который ему дал министр чинов, начал зачитывать:

— Канцлер много трудился, ведя наши войска к победе над кочевниками-ху, за что он награждается десятью тысячами лян золота, тремястами му земли и титулом «Отец нации», такова воля императора.

Но о Хэ Сюйляне не было сказано ни слова.

Гу Чжэнь немного опешил: «Что это за должность — Отец нации? Я уже канцлер, могу ли я подняться еще выше?»

В то же время он услышал легкий насмешливый вздох и только потом осознал: «Черт возьми, почему в Чертоге Чэньань на аудиенции только один старик?»

Но кто этот старик? Разве в Императорском городе нет закона о пенсии? Ему, должно быть, уже за семьдесят? Старик, ты так усердно работаешь?

Хэ Сюйлян, стоя рядом, похоже, понял его мысли, вовремя поклонился и сказал:

— Ваш слуга приветствует министра Ли из Военного министерства.

Услышав голос Хэ Сюйляна, лицо старика немного смягчилось, и он ответил с намеком:

— Генерал Хэ, канцлер, вы оба трудились. Министр Гао и другие чиновники уже давно отправились встречать канцлера в столицу. Где они теперь? Весь Чертог Чэньань пуст, кроме меня, это беспорядок.

Гу Чжэнь сразу понял: «О, он меня ненавидит, а Хэ Сюйляна любит. Хорошо, это хороший чиновник».

«Эй, подождите, кто? Министр Военного министерства? Отец наложницы Си?»

[Авторское примечание]: Начальная поза примерно такая [картинка видна только на ПК].

<http://bllate.org/book/16782/1543532>